

БИБЛИОТЕКАРЬ ЦЕЗАРЯ: ПРИТЧА УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА „ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ПОСОЛ“

CEZAR LIBRARIAN: PROVERBS OF WILLIAM GOLDING
"EXTRAORDINARY AMBASSADOR"

Марина ШУЛЬМАН

Abstract: This article deals with William Golding's „Extraordinary Ambassador“. In his parable english writer harmonically combines genre structures of fairy tale, dystopia and social satire. The main characters of the Roman Emperor, librarian Fonokl and his sister are linked with literary reasons of culture, history, beauty and ugliness. Dialogue between two very smart people as well as the history Fonokl's inventions is exciting and may be instructive for modern librarians.

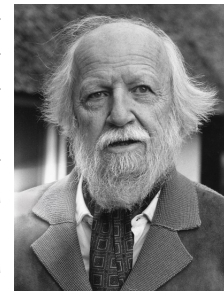
Keywords: William Golding, fairy tale, dystopia, satire, parable, culture, information, modern librarians

И ПОТОМ Я ВЕРЮ, ЧТО ЛЕД РАЗБИТЬ ВОЗМОЖНО ДЛЯ ФОРЕЛИ,
КОГДА ОНА УПОРНА
М. Кузмин „Форель разбивает лед“

УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ

Непосредственным поводом для появления на свет нижеприведенного текста послужили две даты. В 2016 году исполняется 105 лет со дня рождения Уильяма Голдинга, некогда прозванного критиками пророком из Солсбери.

Автора притчи манили к себе древние эпохи: жизнь первобытных людей, Древний Египет, античность. При этом Уильям Голдинг замечательно умел, набросив покров интригующей таинственности на свои тексты, одновременно придать им острую злободневность.

Английский классик, с легкостью перешагивая через века, описывая чрезвычайные обстоятельства (истребление древнего племени, жизнь горстки подростков на необитаемом острове, надвигающуюся гибель Римской империи), выбирал в главные герои своих романов и повестей людей разного возраста, представителей различных национальностей и профессий, наделенных совершенно непохожими друг на друга характерами. Он исследовал манеры поведения в критических обстоятельствах, способы познания мира и приключения человеческого интеллекта. Голдинг требовал от своих читателей лишь трех вещей: умения размышлять и анализировать, наличия хорошего литературного вкуса и чувства юмора. Читатель, наделенный тремя вышеназванными качествами, может смело приступить к чтению одной из самых изящных и смешных повестей Голдинга под названием „Чрезвычайный посол“. Отметим, что в 2016 исполняется 60 лет со дня ее появления на свет в 1956 году.

Наш выбор пал именно на эту повесть еще и потому, что одним из ее главных героев является библиотекарь Фонокл. А я уже (страшно сказать!) 33 года работаю в библиотеке.

Притча „Чрезвычайный посол“ впервые появилась на русском языке в 1981 году. Наряду с двумя другими („Бог-скорпион“ о Древнем Египте и „Клонк-клонк“ о жизни первобытного человека из племени, называвшего себя „леопардами“) она вошла в содержание компактного сборника в твердой обложке цвета темно-зеленой хвои. Имя и фамилия Уильяма Голдинга, автора всех трех повестей, отпечатаны в изящной рамочке на обложке книжки. На светло-желтом фоне черными буквами дано общее название сборника „Бог-скорпион“. В маленькой прямоугольной рамке черными буквами указано название одной из самых популярных и успешных серий 20-21 вв. – „Азбука-классика“. Далее следует стилизованное изображение человеческой фигуры с птицей и стрелами в руках, напоминающее читателям древнеегипетскую плоскостную манеру изображения человека. Названия всех трёх притч, составивших содержание книжки, перечислены на титульном листе. Сборник вышел в свет в Санкт-Петербурге в издательстве „Азбука“ в 2000 году. Издание снабжено экслибрисом (стилизованное изображение буквы „а“). Вот эту симпатичную книжку мы и использовали в ходе работы над статьей, посвященной притче Голдинга „Чрезвычайный посол“.

Библиотекарь Фонокл - грек. Жить ему довелось во времена, когда маленькая просвещенная Греция уже перестала быть центром культурного мира. Мощественный Рим, гордящийся своей строжайшей дисциплиной, приверженностью к законности и военной мощью, покорил родину Фонокла. Теперь уже он, столица огромной империи, стал центром античного мира. Вместе с сестрой Ефросиньей, чье имя означает „радость“, Фонокл прибывает ко двору цезаря в Риме в качестве просителя, предлагая ему воспользоваться своими тремя изобретениями. Именно поэтому грека исследователи творчества Голдинга именовали по-разному: „придворный инженер“, „изобретатель“ и т. д. В повести, однако, есть точное указание на его профессию. Фонокл работал помощником библиотекаря, затем библиотекарем. Их с сестрой, отец умер, финансов не хватало. Именно это в сочетании с природной пылкостью ума заставило библиотекаря приняться за изобретательскую деятельность.

Таким образом, тема материального обеспечения человеческого существования звучит в притче с самого начала. Она связана и с борьбой за жизнь и работу самых бедных обитателей империи и с бережливостью самого цезаря. Посмеиваясь над романтиками и романтизмом, Голдинг в то же время не только не отвергает высшие духовные интересы: веру, влюбленность, сказочность, но вводит волшебное начало в самую ткань своего произведения. Особенно восхитительна сцена с „живыми светильниками“. „Занавеси раздвинулись, и на галерею торжественным шагом вышли три женщины. В сложенных чашей руках каждая несла пригоршню света; лица сияли, пальцы прозрачно розовели...“ Император безмолвно расставляет женщин, несущих светильники, по галерее, добиваясь нужного светового эффекта: „...свет мгновенно заиграл и заискрился в ее волосах. Третий он придвигал слева все ближе и ближе, потом начал поднимать, пока тот не оказался так близко от лица Ефросинии, что локон затрепетал в струящемся тепле“. Внимательно рассмотрев закутанную в покрывало фигуру девушки, цезарь объявляет ее десятым чудом света.

„Что ты сделал с моими солдатами, колдун?“, - раздраженно спрашивает генерал Постумий, невольно продолжая тему очарования и волшебства. Сама по себе идея женственности, почти невидимой, таинственно укутанной в покрывало, пришла в европейскую литературу из восточных сказок и напоминает о „Тысяче и одной ночи“. Сказочное очарование сцены со светильниками представляется нам модификацией сказаний о волшебных приключениях и таинственных чудесах. Не зря же император испытывает тайную тягу и острое любопытство к Китаю. Европу всегда притягивал Восток. Уильям Голдинг мастерски вплетает в ткань своей притчи элементы восточной сказки. Самый мотив колдовства, явившись как дань преклонения перед женственностью и красотой, затем меняет свое звучание и семантическую окраску. В устах грубого и самоуверенного властолюбца Постумия он связан с неудовольствием и недоумением. А уж после смерти генерала Постумия, в связи со шлемом погибшего командира мотив волшебства звучит и вовсе сатирически. Вид шлема, бог весть какой силой держащегося на ветвях уже после смерти начальника, вызывает у несчастного осиротевшего легионера прилив истинного ужаса и исторгает из его глотки отчаянный вопль: „Колдовство!!“.

Жанровую природу повести Уильяма Голдинга филологи определяли по-разному. Во вступительной статье к нашему сборнику специалист по английской литературе 17-20 вв. Александр Анатольевич Чамеев (1944), известный филолог, преподаватель Петербургского Университета, называет притчи Голдинга „парадоксальными комедиями идей“, сравнивая их с пьесами „интеллектуального театра“ Бернарда Шоу. Сходство, несомненно, есть. При этом все герои повести „Чрезвычайный послан“ удивительно живые и органичные. Даже легионера, стоящего на страже в покоях императора никак не назовешь фигурой, воплощающей собой лишь идею. В сцене появления Фонокла с сестрой он не говорит ни слова, только смотрит на фигуру девушки, укутанную в покрывало, но успевает, по замыслу автора, проявить и знание женщин, и непосредственное восхищение красотой, и опасения старого служаки, и изобретательную солдатскую хитрость. Все это, лишь меняя выражение глаз и направление взгляда. Ткань текста, живая и сложная, вибрируя, играет оттенками смыслов, радуя интонационным богат-

ством при замечательной точности и выразительности деталей. В притче Голдинга уживаются различные художественные начала и объединяются признаки разных жанровых структур. Глубокое знание жизни не противоречит романтике, антиутопия уживается с чудесами, приземленная нужда в поддержании брэнного существования соседствует с мечтаниями о вечной женственности и дальних странах, элементы социальной сатиры парадоксальным образом сплавляются с мотивами волшебной сказки.

Цезарь очень умный и выдержанный человек. Он редко позволяет себе романтические высказывания, предпочитая в общении с окружающими точно сформулированные приказы или ироничные шутки. И все же его воспоминания о рыбной ловле, воскрешающие юные годы, ярки и романтичны.

Сатирическое начало можно иллюстрировать отрывками из замечательно смешной и острой сцены неудавшегося парада. Верные легионеры оказываются жертвами приверженности к дисциплине, собственной жадности, тяжести вооружений, палящего солнца, духоты и зловония, вызванного неумелым кораблестроительством Фонокла. „Волна тошнотворного запаха накрыла парад, и некогда стройные ряды разом провалились в спасительное забытье“.

В победе Цезаря над генералом Постумием как раз нет никакого волшебства. Император блистательно умен, осторожен как крупный хищник, наделен поистине царственной выдержкой, острой наблюдательностью и недюжинной выносливостью. Используя собственное знание солдатской психологии и римскую приверженность дисциплине, он приводит в негодность войско своего молодого, энергичного и недалекого племянника, устроив на правах „отца отчества“ смотр легионерам в полном вооружении в невыносимо жаркий день на молу, где воздух пропитан гадкими запахами кораблестроительных работ. Солдаты один за другим падают, теряя боеспособность.

Алена Злобина в статье о творчестве Уильяма Голдинга „Перед судом“ справедливо утверждает, что писатель „вообще склонен к двойным мотивировкам, при которых почти любой мистический элемент получает свое объяснение в рамках реальности“. В нашей притче с позиций думающего и саркастично настроенного человека вполне реалистически объясняются, и загадочная победа императора над войском Постумия и даже таинственное нежелание Ефросинии полностью открыть свое лицо.

Самое удивительное как раз в том, что практик и мудрец, разгадывающий загадки и личность, мечтающая о далеком Китае или создающая своими руками искрящееся в теплом свете „десятое чудо“ волшебной женской красоты – одно и то же лицо. Это он, всевластный цезарь, создает для девушки, умной, решительной и обаятельной, но с физическим изъяном поистине фантастическую сказочную возможность выйти замуж за римского императора. Голдинг дает читателям возможность ощутить сложность и богатство природы своего героя. Писатель использует в рамках одного художественного текста различные жанровые структуры, каждой из которых соответствует особая стилистическая окрашенность речи автора и высказываний героев, как бы втягивая читателя, глубоко чувствующего текст, в веселую и очаровательную игру.

Военные корабли погибают из-за тактических просчетов Постумия (пле-

мянника, претендующего на регентство). Опрометчиво приказав ввести суда в гавань при плохой видимости, он, отчасти, сам виноват в кораблекрушении. Мятеж против власти императора заканчивается гибелью генерала Постумия. Затем погибает и внук императора Маммилий, чья некомпетентность и тщеславность, по убеждению престарелого цезаря, не принесли бы отечеству ничего хорошего. Власть вновь сосредотачивается в руках императора. Он умен, дальновиден, умеет быть и жестким и деликатным, казнить и миловать. Настоящий правитель.

Вот только стар цезарь, а против этой болезни нет лекарства. Голдинг ясно показывает, что стареет сама по себе империя, отживает свой век и готовится уйти в прошлое целая эпоха в развитии человечества. Новое уже пробивает себе дорогу пусть неумелыми шагами, но неотвратимо. Цезарь не зря чувствует тревогу, сознавая непрочность привычного мира. Как бы изнутри, вживаясь в давно отцветшую эпоху, автор притчи дает читателям насладиться ароматом прошлого подобно тому, как сам император наслаждается воспоминаниями о форели, пойманной впервые.

Для слуха русскоязычного читателя воспоминания цезаря о ловле форели особенно дороги, ибо они напоминают строки из знаменитой в начале 20 века поэмы „Форель разбивает лед“. По своему ритмическому рисунку творение Михаила Кузмина связано одновременно с романтическим стихотворением Марины Цветаевой „Кавалер де Грие“ и „Поэмой без героя“ Анны Ахматовой. Впервые на это обстоятельство обратила внимание Инна Лиснянская. Самый ритм трех произведений русской лирики 20 столетия вызывает в сознании читателей мысли о красоте поэтического восприятия мира, сплавленные с тонкой иронией, и воспоминания о фигурах двух гениальных женщин русской культуры – Анны Ахматовой и Марины Цветаевой.

Вдыхая дым готовящейся в скороварке рыбы, Цезарь воскрешает в памяти очарование молодости, азарт охоты, трепет юного нетерпеливого ловца, прыжок форели и смертоносный захват собственной руки. Не так ли и мы люди, личности и целые эпохи трепещем в ладонях всепожирающего времени. Лишь с той разницей, что нам дано осознать силу и хрупкость, мужество и ранимость человеческого рода, оставив о себе память, воплощенную в художественном слове, бережно хранимом в библиотеках.

Своими главными достижениями библиотекарь Фонокл считает изобретение корабля, который движется при помощи действия парового котла, взрывчатку и печатный станок. Императора заинтересовала идея корабля нового типа, но не устроило воплощение этой идеи в жизнь. В решающую минуту корабль вышел из повиновения и медленно затонул, сея вокруг панику, зловоние и разрушение. Правда, поднятое гибнущим кораблем зловоние и связанное с его крушением затемнение видимости, спровоцировав хаос в порту, сыграли на руку Цезарю. Изобретению скороварки грек не придает никакого значения. Но именно ее пожелал заполучить в первую очередь император. Первые варианты взрываются, но, в конце концов, горшок-скороварка, действительно начинает варить рыбу и иную пищу. В финале после всех потрясений, император, потерявший близких и, заодно, избавившийся от конкурентов в борьбе за власть, наслаждаясь запахом дыма готовящейся рыбы, вспоминает, как он в молодости поймал свою первую

форель и, умилившись, решает наградить Фонокла именно за это мирное и полезное изобретение.

Фонокл полон идей, но он не умеет продумывать детали и предвидеть проблемы, возникающие в ходе осуществления замысла. Его образ при всем своем таланте несколько напоминает начитанного и увлекающегося полетом собственной фантазии прожектера, то есть любителя книг и идей, того самого читателя, о котором многие библиотекари 21 века вздыхают и ностальгируют. Кроме того, ему приходится, как почти каждому библиотекарю, выступать в роли своеобразного „имиджмейкера“, то есть популяризатора. Пропагандируя собственные изобретения, Фонокл терпит полный крах, избирая негодную стратегию рекламной деятельности.

Хочется сказать, что начитавшись романтических книг, библиотекарь всем обещает „свободу“, ожидая, что гребцы будут рады освободиться от тяжелого труда, а легионеры мечтают о мире. Романтизма, правда, не было еще во времена античности. Люди, вовсе неспособные что-либо изобрести, оказываются практичней и дальновидней изобретателя. Не сговариваясь, гребец, легионер и генерал моментально решают убить Фонокла, уразумев, что обещанная свобода обернется отсутствием не только работы, но и платы за работу, грозя принести с собой голод и лишения. По Голдингу пропаганда изобретений и их описаний может обернуться делом не только важным, но и весьма опасным. Нам, библиотекарям 21 века, никак нельзя об этом забывать.

Работник библиотеки в наше время многогранен. Он – хранитель культурного достояния нации и лоцман в бескрайних информационных просторах, пропагандист и имиджмейкер, референт и советчик. Что же опасного в такой благородной миссии? Всем, опережающим свое время, всем, идущим по пути познания самостоятельной дорогой, всем желающим облагодетельствовать человечество всегда угрожала опасность. Один неверный шаг, ошибка, случайность и мощные силы, запущенные ими самими выйдут из повиновения, ведомые к счастью люди собьются с пути или останутся без средств к существованию, а уютный и обжитый мир окажется карточным домиком, готовым разлететься в куски от простого нажатия кнопочки.

Голдинг писал, что он интеллектуально понимает: „Шансы человечества взлететь на воздух равняются один к одному“, просто сердцем не в силах согласиться с таким сценарием, не веря в то, что человечество действительно способно взорвать себя. Притча о Древнем Риме исполнена тревоги 20 столетия. Все ее герои не в своей тарелке. Цезарю мешает старость, генералу Постумию – отсутствие тактической гибкости и глубины ума, внуку императора Маммилию не хватает таланта, изобретателю и библиотекарю Фоноклу – практичности и широты интеллектуального горизонта. Он не может представить себе результаты применения собственных экспериментов и просчитать реакцию других людей на изложение воодушевляющих его идей. Начинаешь понимать, что под видом притчи многоопытный автор заставляет своих читателей познакомиться с антиутопией, успешно рисуя страшную картину бедствий и разрушений. Можно ли интерпретировать „Чрезвычайного посла“ как мрачную антиутопию? Нам мешает согласиться с такой трактовкой повести Голдинга личный читательский опыт.

Дело в том, что, читая страницы притчи Уильяма Голдинга, я от души нахохоталась, несмотря на достаточно неблагоприятные обстоятельства личной жизни и сложную общественно-политическую обстановку.

В совершенном произведении художественной литературы разные жанровые структуры свободно перетекают друг в друга, не нарушая ощущения цельности повествования. Смысловые пласты множатся, просвечивая друг через друга, и общее настроение веселого избавления от грозившей опасности, безмятежности после встряски заставляет поверить в высказывание автора о том, что его напрасно считают мрачным пессимистом. Он, на самом деле, оптимист.

Кто же добивается воцарения порядка хотя бы на время? И каким способом этого удастся достичь? При помощи взрывчатки, взорванной очень вовремя. Ведь это второе изобретение библиотекаря. Только император догадывается о том, кому именно он обязан сохранением спокойствия в стране и спасением своей власти. У Фонокла есть сестра, которая по обычаям того времени не могла претендовать даже на место помощницы библиотекаря. Даже если бы она была красавицей, а не только умницей. Случай Ипатии уникален, да и ее жизнь завершилась трагической гибелью. Ефросинья скрывает свое лицо под покрывалом. Глупому и романтичному Маммилию это кажется проявлением скромности, и его воображение рисует добродетельную писаную красавицу. Увы! Цезарь говорит, что „скромность выдумали мужчины“. Ни одна красавица не способна долго скрывать свои прелести. Несмотря на опасность и занятость поближе к концу притчи он догадывается, что сестра Фонокла необычайно умна, но отмечена физическим изъяном. У нее хорошие глаза и высокий лоб, округлые колени и красивые руки, но при этом заячья губа. Маммилий опрометчиво принял за скромность мучительную стыдливость. Из-за страха открыть уродство сестры, Фонокл, непрактичный изобретатель, но добрый брат, отказывается, несмотря на безденежье, отдать ее в жены Маммилию, внуку императора.

Цезарь догадывается, что это именно она спасла его трон от падения, а страну от хаоса, вовремя отвинтив краник, ту самую „бронзовую бабочку“, а именно антидетонатор, предохранявший от взрыва. Ефросиния прячет этот предмет под покрывалом. Неожиданно во всей структуре притчи открывается еще один смысловой слой. Ее можно прочесть как диалог двух интеллектуалов взаимопониманием, остротой ума и решительностью вполне соответствующих друг другу. Цезарь решает жениться на Ефросинии, чье имя в переводе с греческого означает „радость“ или „веселье“. Он откровенно объясняет Фоноклу, что в его годы брак будет номинальным, зато Ефросиния получит в замужестве, хотя бы на какое-то время, нечто очень ценное – покой.

Итак, на сюжетном уровне, события начинают стремительно разворачиваться после прибытия библиотекаря Фонокла и его сестры ко двору императора, а кульминация наступает тогда, когда молчаливая девушка Ефросиния осознанно, незаметно и очень своевременно откручивает антидетонатор, „бронзовую бабочку“, затем тщательно скрываемую под покрывалом ото всех, кроме самого цезаря. Ее облик, овеянный тайной, стыдливый и решительный, вызывает одновременно удивление и сочувствие читателей. На символическом уровне образ сестры библиотекаря, по-своему обаятельной и уязвимой, напоминает нам

человеческую историю в целом. Конечно, с изъясном, очень запутанная и несовершенная, но ее познание сулит нам встречи с блистательно умными людьми, неожиданные открытия, выявляет не только кровавые столкновения и подлые заговоры, но и стремление к свету и умиротворению. В натуре человека силы добра и зла тесно сплетены, и лишь способность глубоко понимать происходящее и верить в чудо может спасти человечество. Сплавленная с критическим скептицизмом и здоровым юмором, вера Уильяма Голдинга в будущее человечества, кажется нам весьма привлекательной и парадоксальной особенностью сказочника, пророка и скептика из Солсбери.

В притче „Чрезвычайный посол“ двум интеллектуалам, без слов понимающим друг друга, удастся спасти мир от еще худших бед. Догадавшись о решительном поступке сестры Фонокла, Цезарь тактично намекает библиотекарю на то, что его сестра, возможно, принимала участие и в появлении на свет его изобретений. При этом оба героя, Цезарь и Ефросинья, не становятся ничуть идеальными персонажами. Оба испытывают страх, любопытны, очень умны и, в достаточной степени, эгоистичны, что делает Цезаря и Ефросинию земными, живыми и близкими любой эпохе. А уж нашей-то, реальности 21 века, переполненной тревогой и так нуждающейся в людях, решительных и светлых, и подавно.

Повесть была переделана в пьесу под названием „Бронзовая бабочка“, которая была встречена критикой и публикой очень хорошо, но выдержала всего три представления. Одной из причин, думается, была именно замена всей сложной ироничной ажурно вылепленной линии Ефросинии, мудрой и ранимой, прекрасной и уродливой, ускользающей в тайну и такой реальной одновременно, тривиальной мелодраматической любовной коллизией. Решили, что на сцене молчание одной из главных героинь не произведет впечатления. Это уж как сыграть! Замена значительно упростила пьесу, обеднив ее идейно-художественный смысл, образное разнообразие, а также нарушив своеобразное равновесие между чередой громогласных команд и оглушительных взрывов, с одной стороны, и таинственным молчанием вечной и непостижимой женственности с другой. В самом деле, мужчины в притче Голдинга властвуют и воюют, строят и изобретают, пишут стихи и поют. Но именно молчаливая решимость и упорство Ефросинии решают судьбу империи.

Участь Фонокла „определяет“ его третье изобретение. Библиотекарь, если он влюблен в книгу и культуру, неизбежно немного библиофил. Фанокл истинно любит книги. Вот он и придумал способ их размножения при помощи печатного станка. Вначале идея захватила императора, человека культурного с хорошим вкусом. „Своя публичная библиотека в каждом городе! ... Десять тысяч экземпляров любовной лирики Катулла...“, – мечтательно произносит он. Фонокл, как никогда ранее, приблизился к своей цели: увлечь, захватить своими идеями и добиться производства собственного изобретения в больших количествах. Увы! Ему вновь не хватило вкуса, такта, умения разбираться в людях, улавливать смену настроения сильных мира сего. Переломный момент наступает тогда, когда император, человек практичный, спрашивает: „А нам хватит гениев? Часто ли рождаются Горации? Библиотекарь Фонокл не почувствовал опасности. Будь на его месте чуткая умница сестрица, как знать, может, она и уговорила бы импе-

ратора. Цезарь внезапно почувствовал ужас при мысли о том, что Фонокл способен выпустить тысячи экземпляров опусов под названием „Как я строил стену Адриана” или „Моя жизнь в обществе. Сочинения многоопытной дамы”. Решив не давать ходу ни одному из трех изобретений библиотекаря, за исключением скороварки, император милостиво назначает его послом в далекий Китай, надолго удаляя от собственного двора. Бедный библиотекарь вновь не чувствует опасности, не осознает, что его осудили на изгнание, разлучили с сестрой, услали в путешествие долгое и опасное. Фонокл, бывший библиотекарь, получивший высокое звание, обманутый ласковым голосом всемогущего цезаря, раздувшись от важности, принимает назначение. Впрочем, если чрезвычайному послу повезет добраться живьем до самого Китая, на что, по подсчетам императора, требуется лет десять, Фонокла, возможно, спасут его природное ненасытное любопытство и мощное творческое начало.

Неужели притча написана в прошлом веке. Ведь это сейчас, в 21 столетии пишут все, кому не лень, так что под угрозой оказались уже сами понятия „авторства”, „творчества” и „таланта”. Смешно и актуально звучит нота неподдельного страха перед морем разлитым всякой и всяческой информационной продукции. Что бы сказал Голдинг по поводу смартфонов и интернета в мобильниках? И разве сегодня не угрожает миру возможность глобального военного конфликта? Нам, библиотекарям 21 века, герои притчи Голдинга могут помочь взглянуть на себя со стороны, весело посмеяться над нашими недостатками и просчетами, вновь осознав свою социальную значимость и связанную с ней ответственность за судьбы культуры в современном мире.

Уильям Голдинг, бывший преподаватель и моряк, был по призванию писателем, глубоким знатоком человеческих душ, отважно исследовавшим самые темные стороны человеческой природы. Точно замороженный проблемами зла и человеческого эгоизма, он в то же время умел своим глубоким и нелицеприятным размышлениям придать безупречно совершенную форму, мастерски сочетая в живой и органичной ткани своих текстов элементы восточной сказки, антиутопии и социальной сатиры. Мотивы колдовства и очарования звучат в притче „Чрезвычайный посол” по-разному, сплетаясь с жанровыми пластами различного качества.

На уровне сюжета с появлением во дворце императора библиотекаря Фонокла и его сестры связана завязка всего действия, а с решительным поступком Ефросиньи (откручивание антидетонатора) связана кульминация, прекращение военных действий и воцарение мира. Образы Фонокла и Ефросиньи соотносятся с мотивами красоты и ущербности, тревоги и умиротворенности, культуры и истории.

Уильям Голдинг извещал славу, был награжден Нобелевской премией и создал свой неповторимый стиль в литературном творчестве, где веселый юмор, острая сатира, умение выстроить захватывающую интригу органично сочетаются с философичностью, притчевым началом и глубокой серьезностью выводов о человеке и его месте в мире. Английский классик литературы минувшего столетия писал романы, по достоинству оцененные критиками и читателями. Особое место в его творчестве занимают повести, лаконичные и изящные, способные и в 21

веке доставить читателям неизъяснимое удовольствие.

Использованная литература:

1. БЕЛОДУБРОВСКИЙ, Евгений Нобелевская премия по литературе. Лауреаты 1901-2003 гг. СПб, 2003, 420 с. <http://vikent.ru/enc/7009/>
2. ГОЛДИНГ, Уильям. Бог-скорпион; Клонк-клонк; Чрезвычайный посол. – СПб: “Азбука-классика”, 2000. – 277 р.
3. ЗЛОБИНА, Алена. Перед судом: Об У. Голдинге. В: *Новый мир*.1997, nr 10, pp. 213-219
4. ЛИСНЯНСКАЯ, Инна. “Музыка поэмы без героя” Анны Ахматовой. Москва: Худож. Лит., 1991. -157 р.
5. ЧАМЕЕВ, Александр Анатольевич. Уильям Голдинг–сочинитель притч. В кн.: Голдинг, Уильям. Бог-скорпион; Клонк-клонк; Чрезвычайный посол. – СПб, 2000. – pp. 5–24.
6. *Lord of the Flies William Golding: Novel Guide*. - Mission Hills: Glencoe/McGraw-Hill, 1991. – 48 р. 820.09/L90 0-02-635121-8